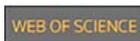

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов / О. Ю. Осьмухина, Н. В. Чекашева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 310—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327.

Osmukhina, O. Yu., Chekasheva, N. V. (2023). Novel ‘Tashkent — the Bread City’ by Alexander Neverov in Context of Russian Prose about Homeless Children in 1920s. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 310-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-310-327

**Повесть А. Неверова
«Ташкент — город хлебный»
в контексте отечественной
прозы о беспризорниках
1920-х годов**

Осьмухина Ольга Юрьевна *
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
* *корреспондирующий автор*
osmukhina@inbox.ru

Чекашева Надежда Владимировна
orcid.org/0009-0001-4428-9665
аспирант кафедры русской
и зарубежной литературы
nadya.chekasheva@yandex.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

**Novel ‘Tashkent — the Bread
City’ by Alexander Neverov
in Context of Russian Prose
about Homeless Children
in 1920s**

Olga Yu. Osmukhina *
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
* *Corresponding author*
osmukhina@inbox.ru

Nadezhda V. Chekasheva
orcid.org/0009-0001-4428-9665
postgraduate student, Department
of Russian and Foreign Literature
xiongh@sjtu.edu.cn

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

© **Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В., 2023**

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается повесть Александра Неверова «Ташкент — город хлебный», рассмотренная в контексте традиции прозы о беспризорниках, формирующейся в отечественной словесности в 1920-х годах. Установлено, что, несмотря на тематическое сходство с близкими по времени создания произведениями о беспризорниках (безнадзорный главный герой, предоставленный сам себе, вынужден добывать пропитание, учиться самостоятельности и ответственности), повесть А. Неверова отличается от них рядом принципиальных особенностей. Во-первых, обилием натуралистических картин: писатель не ограничивается бытовыми зарисовками и не романтизирует жизнь маленьких бродяг, детально и без прикрас изображает болезни, голод, многочисленные смерти периода тотального поволжского голода. Во-вторых, сюжетное развертывание в ней выстраивается по аналогии со сказочным нарративом: хронотопом становится путь-дорога — маленький герой, движимый бедой, отправляется в далекий путь, который строится как череда испытаний и лишений, оказывается для него инициацией и на котором Мишке помогают «волшебные помощники» (сестра милосердия, начальник ортчека и машинист). Наконец, в повествование вплетаются библейские аллюзии. Символическую роль обретают ветхо- и новозаветные образы хлеба, Рая, собаки. Само путешествие Мишки воспринимается как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая.

Ключевые слова:

Александр Неверов; отечественная проза 1920-х годов; проза о беспризорниках; библейские аллюзии; сказочный нарратив.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines Alexander Neverov's novel 'Tashkent — the Bread City' in the context of the tradition of Russian prose about homeless children that emerged in the 1920s. Despite thematic similarities with other works about homeless children created during the same period (such as a protagonist who is left to fend for themselves and forced to find food and learn independence and responsibility), Neverov's novel stands out due to several key features. Firstly, it is characterized by an abundance of naturalistic descriptions, depicting diseases, hunger, and numerous deaths during the period of the Volga famine without romanticizing the life of little vagabonds. Secondly, the plot unfolds in a fairy tale-like narrative structure, with the road becoming a chronotope — a small protagonist sets out on a distant journey, which is constructed as a series of trials and deprivations that become his initiation and on which he is helped by "magical assistants" (a sister of mercy, a head of an orphanage, and a train driver). Finally, biblical allusions are woven into the narrative, with the symbols of bread, Paradise, and dogs taking on symbolic roles. The journey itself is perceived as a symbolic journey of the soul towards eternal life and Paradise. This article contributes to the research on Russian prose about homeless children in the 1920s and sheds light on the unique features of Neverov's novel.

Key words:

Alexander Neverov; domestic prose of the 1920s; prose about homeless children; biblical allusions; fabulous narrative.

Повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный» в контексте отечественной прозы о беспризорниках 1920-х годов

© Осьмухина О. Ю., Чекашева Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

Как известно, в России после Первой мировой войны более двух с половиной миллионов детей остались сиротами, без крова и семьи. Устройством их судеб пришлось заниматься большевикам, пришедшим к власти в октябре 1917 года и заявившим, что забота об обездоленных детях — одна из важнейших задач государства, что, безусловно, объяснялось идеологическими причинами: необходимостью воспитания членов «нового» коммунистического общества. Опираясь на архивные материалы, А. А. Славко отмечает: «К 1 декабря 1922 года в РСФСР, по официальным данным, насчитывалось около 444 тыс. беспризорников (уличных и уже помещенных в детские дома и приемники-распределители). <...> эти сведения далеко не полные, поскольку являются частичным итогом данных, присланных с мест. Поэтому приводимая в настоящее время цифра — 7 млн беспризорных детей в России к началу 1922 года — воспринимается более реальной для этого периода» [Славко, 2009, с. 160]. Если в 1921 году в приютах и детских домах находилось более полумиллиона детей, то оставшихся на улицах было значительно больше: одни потеряли родителей во время революции и Гражданской войны и были вынуждены устраивать свою судьбу самостоятельно, других выгнал на улицу голод. Разумеется, эти дети представляли собой огромное социальное бедствие и опасность. Государственные и общественные организации осуществляли программу ликвидации беспризорности. Как отмечают авторы-составители коллективного исследования «Сиротство и беспризорность в России: история и современность», к началу 1920-х годов число беспризорных увеличилось: «К сиротам Первой мировой войны добавились миллионы сирот войны гражданской. Власти нашли выход в централизации усилий и привлечении к ликвидации беспризорности не только чиновников, педагогов и медиков, но и реальной силы, способной “изъять ребенка с улицы”. Такую силу <...> Ф. Э. Дзержинский видел в своем ведомстве. По его инициативе в феврале 1921 года при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению

жизни детей» [Сиротство и беспризорность ..., 2008, с. 90]. В действительности Комиссии пришлось бороться не столько за «улучшение», сколько за спасение жизни детей, в связи с разразившимся в Советской республике голодом летом 1921 года: более 150 тыс. ребят были переправлены в более благоприятные («хлебные») районы и за рубеж (к примеру, в Чехословакию), для уличных детей были организованы система бесплатного питания, заведения интернатного типа и т. д. Безусловно, не всех беспризорников удавалось определить в спецучреждения, особенно в больших городах, где прибывавшие из провинции беспризорники собирались в шайки, занимались бродяжничеством, воровством и грабежом. Специальные отряды, сформированные из комсомольцев под руководством чекистов и милиционеров, проводили постоянные облавы в трущобах, на вокзалах и рынках, снимали беспризорников с поездов.

Беспризорность, однако, стала следствием не только разрухи, засухи, неурожая и голода послереволюционных лет. Произошло разрушение патриархальных устоев, обусловленное резкой и неудачной политикой большевиков в области семьи: провозглашение свободы браков и разводов повлекло распущенность в семейных отношениях, рост разводов и количества брошенных детей. Отметим, что наряду с понятием «беспризорность» в документах 1930-х годов фигурирует термин *безнадзорность*, который был официально закреплён Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [Постановление ..., 1935]. Хотя в современном понимании безнадзорность детей есть первый шаг к беспризорности, применительно к литературному контексту 1920-х годов мы полагаем правомерным отождествлять понятия «безнадзорности» и «беспризорности»: в прозе о беспризорниках первого послереволюционного десятилетия изображаются сироты или ребята из неполных семей, оказавшиеся на улице из-за отсутствия надзора за их поведением, развитием, образом жизни, в том числе и в семье, что непосредственно вело к их дезадаптации, необеспеченности, бесприютности и бродяжничеству.

Отечественные прозаики, традиционно остро реагировавшие на социокультурные изменения, сразу же обратились к осмыслению темы беспризорности, и это был тот весьма примечательный случай в истории русской словесности XX века, когда проза о беспризорниках явилась непосредственным откликом на социальное бедствие. Более того, учитывая единогласное мнение историков и социологов о том, что беспризорность в России прошла три ключевых «волны», подчеркнем, что эта же тенденция характерна и для отечественной литературы о бесприютных детях: всплеск прозы о беспризорниках приходится на 1920—30-е годы, затем

на 1950-е (после Великой Отечественной войны) и на 1990-е годы, когда сама реальность вновь порождала соответствующее социальное явление. Соответственно, **актуальность** осмысления феномена беспризорности и специфики его репрезентации в отечественной литературе очевидна и обусловлена необходимостью его целостного изучения в историко-литературном контексте.

Объект нашего исследования — проза о беспризорниках, формирующаяся в отечественной словесности в 1920-х годах и развивающаяся на протяжении всего XX столетия; **предмет** — повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный». В связи с актуализацией интереса отечественной гуманитаристики к феномену беспризорности [Анзорова, 2017; Гоголева, 2004; Девятова, 2010; Демидова, 2008; Крутько, 2011; Нечаева, 2001; Мишина, Никитская, 2019; Славко, 2009, 2011; Семина, 2007; Слуцкий, 1998; Смирнова. 2003] обращение к нему представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку в пристальном изучении нуждается не только обширный пласт художественных произведений о беспризорниках, но требует конкретизации и сама дефиниция «проза о беспризорниках». **Научная новизна** настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые целостный анализ повести А. Неверова как многослойного текста, построенного по аналогии со сказочным нарративом и насыщенного библейскими аллюзиями, позволит, во-первых, расширить научное представление о художественном своеобразии этого произведения; во-вторых, осмыслить специфику его хронотопа и персонажной системы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал исследования составила повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный», рассмотренная в контексте формирующейся в 1920-х годах в отечественной литературе прозы о беспризорниках.

В статье авторы использовали *комплексный подход*, объединяющий принципы *социокультурного, сравнительно-исторического* методов. Значимым в нашем инструментарии был *метод целостного анализа* литературного произведения, давший возможность осмыслить хронопические особенности повести А. Неверова в неразрывной связи и единстве с её образно-тематическим и персонажным уровнями.

Теоретической базой статьи явились исследования, посвященные тем или иным аспектам изучения феномена беспризорности в социологии, истории, культурологии [Анзорова, 2017; Гоголева, 2004; Девятова, 2010; Демидова, 2008; Крутько, 2011; Нечаева, 2001; Мишина и др., 2019; Славко, 2009, 2011; Семина, 2007; Слуцкий, 1998; Смирнова. 2003], а также

литературоведческие работы, касающиеся тех или иных аспектов прозы о беспризорниках [Бухина, 2011; Бухина и др., 2015, Золотухина, 2018; Осьмухина и др., 2022] и творчества А. Неверова (Скобелева) [Аляева, 2016; Берловская, 1965; Печко, 1968; Скобелев, 1964; Страхов, 1972; Терновский, 1997; Чалмаев, 1982]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имела теория хронотопа М. М. Бахтина [Бахтин, 1975] и концепция В. Я. Проппа об истоках, морфологии и специфике фольклорной сказки [Пропп, 200, 2001].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы XX века, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных отечественной прозе 1920-х годов, прозе в целом и творчеству отдельных её представителей, в частности, а также при комментировании изданий А. Неверова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проза о беспризорниках 1920-х годов и повесть А. Неверова

Фактически первым советским произведением, не просто поставившим остро злободневное явление беспризорности на один уровень с народным бедствием и изображающим детей, ставших жертвами Гражданской войны, голода, разрухи, нищеты, но и заложившим традицию прозы о беспризорниках, был рассказ Л. Сейфуллиной «Правонарушители» (1922), авторами настоящей статьи уже анализировавшийся [Осьмухина и др., 2022]. Вслед за публикацией рассказа на страницах газет и журналов в 1920—1930-х годах появилось множество историй о беспризорниках — достаточно вспомнить малую прозу А. Кожевникова («Коммуна», «Свой», «Засыпался»), И. Гольдберга («Петька шевелит мозгами»), В. Дмитриевой («Ванька беспризорный»), Н. Ляшко («Леска»), Б. Четверикова («Атава»), В. Авдеева («Лёнька Охнарь», «Моя Одиссея»), С. Григорьева («С мешком за смертью») и др. Однако в большинстве из этих произведений прозаики ограничивались бытовыми зарисовками, а нередко и романтизировали «вольную» жизнь маленьких бродяг, живописуя асфальтовые котлы, жаргон и брань, чумазые лица детей, одетых в лохмотья, их ночёвки на вокзалах и в ночлежках, воровство и бандитизм. Подчеркнем: если в прозе о беспризорниках 1930-х годов воплощалась утопическая мечта о тотальной «перековке» во благо «коммунистического завтра» малолетних преступников и оборванцев («Педагогическая поэма» А. Макаренко [Воспитание, 2006]), то практически во всех подобных произведениях 1920-х годов внимание писателей акцентировалось, во-первых, на том, что вос-

принятые на улице пороки неисправимы, а сами беспризорники безнадежны, перевоспитать их не представляется возможным (исключение составляли лишь пронизанные оптимистическим пафосом «Правонарушители» Л. Сейфуллиной). Во-вторых, изображались однотипные «портреты» типичных беспризорников — сирот, голодранцев, попрошаек, грязных, запущенных и затравленных. «Иллюстрацией» этому становятся, например, весьма показательные описания из рассказа Е. Чирикова «Бродячий мальчик», главный герой которого днем побирается, а ночь проводит в приюте: «Прижавшись к холодной стене каменного дома, лежал оборвыш-мальчик, лет восьми-девяти. Мальчик был едва прикрыт лохмотьями. Изодранная и до невозможности грязная рубашонка обнажила своими дырами тело. Дико, испуганно блуждали горящие глаза ребенка. Он смотрел, как подстреленный и пойманный волчонок. <...> Беспорядочно расположенные в два этажа нары уподобляли это помещение какому-то переезжающему зверинцу. Здесь на голых досках нары и даже под нарами валялись пьяные, больные и голодные люди, вместе — мужчины, женщины и дети. Спертый воздух, нестерпимый смрад, пьяный гам, хохот, детский плач, ругань, драки и песни сливались здесь в какой-то хаотический гул» [Беспризорные ..., 1926, с. 39—40].

Сразу оговоримся, что беспризорность в повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный» (1923), условно говоря, «редуцированная» и вполне отождествима с безнадзорностью: хотя у главного героя есть мать, из-за болезни она не имеет возможности заботиться о своём ребенке и оберегать его — выполнять родительскую функцию, оттого мальчик предоставлен сам себе, должен самостоятельно обустроить свою жизнь. Чтобы не умереть с голоду, Мишка отправляется в Ташкент, где «хлеб очень дешевый» [Неверов, 1983, с. 175]. Более того, он ничем не отличается от беспризорников из рассказов Е. Чирикова, В. Шишкова, В. Авдеева, А. Кожевникова и др.: грязный, оборванный, голодный, неприкаянный, он вынужден справляться со всеми несчастьями сам, искать пропитание, врать, попрошайничать. К тому же и дома как такового у него нет: «Колесо валяется, дуга валяется, а лошади нет и коровы нет. Раньше куры клохтали, петух во все горло кричал, теперь только столбы да крыша худая» [Неверов, 1983, с. 179]. Мишкин дом как центр патриархального крестьянского мира почти разрушен — вместо него «пустая голодная изба» с прохуdivшейся крышей, маркирующая упадок, запустение, смерть и превращающаяся в «антидом»: «Дед умер, бабка умерла, потом — отец. <...> Умер дядя Михаила, умерла тетка Марина! В каждом доме к покойнику готовятся» [Неверов, 1983, с. 175].

3.2. Библейские аллюзии повести А. Неверова «Ташкент — город хлебный»

Замысел повести «Ташкент — город хлебный» впервые возник у А. Неверова в 1921 году, когда он сообщает Я. П. Гинзбургу: «Писать о голоде теперь очень трудно в художественной форме. А я до тех пор не могу выпустить вещь из рук, пока она мне не понравится — более или менее... Я как раз сейчас ломаю голову над тем, как создать “нечто”» [Неверов, 1983, с. 272]. В мае 1923 года повесть была закончена, и, действительно, на фоне прозы о беспризорниках 1920-х годов она являла собой весьма значимое явление. И дело даже не в том, что в ней документально точно, натуралистично запечатлены послевоенные реалии, период поволжского голода, когда обессиленные люди «из канав вылезли, из-за стен выползли — босые, рваные, дождями промытые, ветрами продутые...» [Неверов, 1983, с. 187], среди которых были и дети. Примечательно другое — сама форма повествования, способ сюжетного развертывания (главному герою, двенадцатилетнему Мишке Додонову, потерявшему почти всех своих близких, пришлось в одночасье повзрослеть и отправиться в далёкий путь в поисках хлеба), а также многослойность текста.

Вольно или невольно писатель обращается к библейским аллюзиям — хлеб становится едва ли не евангельским символом, а Ташкент отождествляется с подлинным раем: «Кружились в мыслях около невиданного, слушали про сады виноградные, дразнили себя пшеницей двух сортов: поливной и богарной. <...> Рай! А попасть трудно <...> Мишка не боялся. Как в сказке, стоял перед ним Ташкент — город хлебный. Сады виноградные — во! Шутя можно урюку карман нарвать <...> Наверно, речки есть, как у нас» [Неверов, 1983, с. 179]. В процитированном фрагменте упоминаются важнейшие новозаветные «атрибуты» Рая небесного — виноград и пшеница: «... Господь ведет тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор, В землю, где пшеница, ячмень, виноградные лозы... В землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка...» (Книга Второзаконие 8: 7—9) [Библия, 2014, с. 199]. Главной и единственной целью маленького героя является достижение этого «рая», символом которого становится хлеб. Как известно, в христианской традиции хлеб имеет сакральный смысл: многие библейские сюжеты (не говоря о беседе Иисуса о небесном хлебе в свете учения о Евхаристии), например история Иосифа и его братьев, связаны с темой голода и хлеба — оскудение земли Ханаанской заставляет сыновей Иакова явиться в земли Египетские, ибо голод отождествим со смертью, тогда как хлеб — с самой жизнью: «И сказал он: я слышал, что есть хлеб в Египте; пойдите туда и купите нам оттуда хлеба, чтобы нам

жить и не умереть» (Бытие 42: 2) [Библия, 2014, с. 46]; «И снабжал Иосиф отца своего и братьев своих, и весь дом отца своего хлебом... И не было хлеба по всей земле, потому что голод весьма усилился, и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская» (Бытие 47: 12—13) [Библия, 2014, с. 53]. В повести А. Неверова все мысли героя исключительно о хлебе, даже во сне он видит «Ташкент невиданный» [Неверов, 1983, с. 189], мешки с хлебом и семенами пшеницы. Таким образом, путешествие Мишки в Ташкент прочитывается и как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая.

Примечательно, кстати, что всякий раз, когда героя ждет беда, рядом оказывается собака: «Собаки обнюхались молча. Потом зарычали, оскалились, налетели на ту, что держала горбушку в зубах, свились клубком, кувыркнулись, выпрямились, снова наскочили» [Неверов, 1983, с. 245]. Или: «Навстречу шли три лохматые собаки. Людей кругом не было <...> Мишка оробел и от страха, что собаки могут его разорвать, начал молиться богу» [Неверов, 1983, с. 266]. Образ собаки маркирует «чужое» место (не случайно, видимо, собаки появляются, когда герой покидает пределы средней полосы и оказывается в калмыцких степях), соотносим со страхом и отчаянием, испытываемыми героем, и вновь «высвечивает» библейский подтекст. Так, в ветхозаветной истории собаки мыслились хищниками, поедавшими мертвых ради выживания, а в Новом завете упоминание собаки или сопоставление с ней имеет негативную коннотацию. Так, например, лжеучителя именуется «псами» в Послании апостола Павла к филиппийцам 2:3 («Берегитесь псов...») [Библия, 2014, с. 241] и во Втором Послании апостола Петра 2:22 («Но с ними случается по верной пословице: “пес возвращается на свою блевотину”») [Библия, 2014, с. 179]. В Евангелие от Матфея 7:6 Христос в аллегорической форме предупреждает о невозможности проповеди Евангелия перед ожесточившимися и нераскаившимися, которые сравниваются с «нечистыми» «псами» и «свиньями»: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» [Библия, 2014, с. 931].

С момента исхода юного героя из дома начинается череда его тяжелейших испытаний, которые происходят в дороге. Хронотоп пути-дороги (и связанный с ним мотив странничества) оказывается определяющим, причем не только в повести А. Неверова, но и в прозе о беспризорниках вообще (достаточно вспомнить, к примеру, «Странников» В. Шишкова или «Шаромыжников» В. Горного). По М. М. Бахтину, дорога — «место встреч и обновлений»: здесь пересекаются в одной временной и пространственной точке пути различных людей, «осложняясь и конкретизируясь соци-

альными дистанциями, которые здесь преодолеваются. Дорога — точка завязывания и место совершения событий. Время, вливаясь в пространство, течёт по нему, образуя дороги» [Бахтин, 1975, с. 302]. Хронотоп пути-дороги в повести А. Неверова определяет построение сюжета, в котором персонаж преодолевает ряд испытаний, проходит инициацию, в том числе посредством помощников, с которыми он встречается в путешествии. Такой тип сюжета возник еще в рамках мифа, пришел, как известно, в средневековую литературу [Зюмтор, 2003, с. 182], закрепился в сказке. Путь-дорога в Ташкент для главного героя — это одновременно и путешествие с вполне конкретной целью, и инициация, которой традиционно подвергаются сказочные персонажи, с той лишь разницей, что в повести А. Неверова она имеет глубокий нравственный, гуманистический подтекст: пережитые в пути испытания и горести заставляют Мишку по-настоящему повзреть — понять, что истинная ценность жизни заключается в возможности пожертвовать собой ради блага других — он во что бы то ни стало должен добыть хлеб. Очевидно, что библейские аллюзии вплетаются в сказочную структуру.

3.3. Специфика воплощения сказочного нарратива в повести А. Неверова

По словам В. Я. Проппа, «какая-либо беда — основная форма завязки сказки. Из беды и противодействия создается сюжет» [Пропп, 2000, с. 10]. Именно беда — потеря кормильца и голод — становится причиной поездки Мишки в Ташкент и служит движущей силой развития сюжета. Композиция повести также подобна сказочной. Она «строится на пространственном перемещении героя» [Пропп, 2000, с. 32]. Мишка, равно как и главные герои сказок, нарушая «запрет» (опасения умирающей матери, что он не вернется; доводы соседей-крестьян о том, что он «маленький»), уходит, покидая родной дом: «Эта отправка представляет собою нечто иное, чем временная отлучка. <...> На этом пути героя ждут различные приключения» [Пропп, 2000, с. 38]. Связь со сказкой проявляется и в моменте сбора героя в дорогу, когда он «до отправки просит снабдить его чем-либо. <...> Предметы, которыми снабжается герой, очень разнообразны: тут и сухари, и деньги; и корабль с пьяной командой, и палатка, и конь» [Пропп, 2000, с. 33]. В «Ташкенте — городе хлебном», отправляясь в путь, Мишка тоже собирает незатейливый скарб: соль в тряпочке, жестяная кружка, веревка «про запас», а также складной самодельный ножик, кусок травяного хлеба — рационализированные сказочные «хлеб» и «посох». Эти вещи на протяжении всего сюжета охраняют героя от голодной смерти: продавая их, он спасает жизнь себе и своему товарищу.

«Развитие» сюжета повести на этом этапе сродни сюжету сказочно-му: «всё развитие идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально» [Пропп, 2000, с. 40]. Первая остановка — отдых на «бугорке», с которого еще видна родная деревня, а потому есть возможность вернуться. Следующая — станция, приоткрывающая Мишке и его попутчику «большой» мир, страшный, чужой, предстающий как суматоха и сутолока, где выживают самые сильные, выносливые и расторопные. Дальнейшее движение и остановки героя будут соответствовать движению эшелона и его стоянкам на пути в Ташкент, причем каждая остановка знаменует встречу Мишки с новым попутчиками и открытие неприглядных, а порой и страшных картин реальности: многочисленных голодных смертей, изможденных людей, теряющих последние силы.

Добывать самую малую крошку хлеба, кусочек съедобного Мишке приходилось с великим трудом самым оскорбительным образом. В огромной толпе Мишка ощущает себя одиноким, брошенным, никому не нужным, оставшимся один на один со своей бедой. Смерть преследует маленького героя на протяжении всего страшного «путешествия» в «город хлебный» — от кончины его друга Сережки до многочисленных смертей случайных попутчиков: «Смерть ходила по вагонам, по вагонным крышам, по грязным канавкам, где валялись голодные. Смерть настигала солдата с девчонкой, ушедших вперед, разыскала их на маленькой станции, куда они торопились» [Неверов, 1983, с. 263]. Или: «Головой около Мишкиных ног лежала косматая баба кверху лицом и мертвыми незакрытыми глазами смотрела в чужое далекое небо» [Неверов, 1983, с. 250].

Без билета, чудом пробравшись на паровоз, Мишка отправляется в Ташкент. Во время путешествия он встречает множество страдающих, больных, опухших, сошедших с ума от голода людей, которые безжалостно отталкивают детей, ищущих поддержки у взрослых. Так, на одной из станций женщина назвала его «жуликом», а «мужик в наглухо застегнутом полусубке покосился на Мишку» [Неверов, 1983, с. 200] и злобно обругал его. Унижение беспризорных детей, издевательства над ними повсеместны: «Стояла барыня на крылечке в зеленом вагоне, на пальцах — два кольца золотых... Рядом ребятишки смотрят ей в рот. Бросит мосолок барыня — ребятишки в драку. Упадут всей кучей и возьмется. Потом опять выстроятся в ряд. Перекидала мосолки барыня, бросила хлебную корочку» [Неверов, 1983, с. 202]. «Капли» детских страданий, однако, «никим не замечень», более того, Мишка понимает жестокую истину — беспризорные дети никому не нужны, надеяться им не на кого: «Людам не больно нужно, и увидит кто, нарочно отвернется. Много, скажет, ихнего брата валяется, пускай умирает» [Неверов, 1983, с. 222]. И в этом отношении повесть

А. Неверова также выделяется на фоне иных текстов о беспризорниках: писатель изображает реалии поволжского голода не просто без прикрас, но более чем натуралистично, что, кстати, стало поводом для сознательного ее замалчивания в печати вплоть до середины 1970-х годов. Беспризорники в «Ташкенте...» никому не нужны, они не вызывают сочувствия в жестоком мире, наполненном голодом и страданиями: маленькие герои совершенно одни, помочь им практически некому (эта же тенденция прослеживается и в других образцах прозы о беспризорниках 1920-х годов; к примеру, в «Моей Одиссее» В. Авдеева). Страшные картины бесприютности, брошенности, неприкаянности одна за другой вырастают в повести А. Неверова на протяжении всего сюжетного развертывания, и не случайно драматизм происходящего передаётся рубленой прозой — раздробленный, расчлененный текст заостряет важные детали, образующие цельную картину детского бедствия:

«Щенками брошенными валялись ребята:

и голые,

и завернутые в тряпки,

и охрипшие, тихо плакающие.

и громкоголосые, отгоняющие смерть неистовым криком» [Неверов, 1983, с. 242].

Кроме того, рубленая проза передает ритм движения поезда, причем мерный стук колес будто отбивает страшный и закономерный итог «путешествия», что выделено графически:

«Нельзя оставаться на маленькой станции в безлюдной киргизской степи:

голод съест

вошь съест,

тоска съест,

отчаянье...» [Неверов, 1983, с. 248].

Особую роль в повествовании играют пейзажные зарисовки, во многом маркирующие в пространственно-временном континууме произведения топысы «своего» и «чужого». Как только поезд, на котором герой движется к заветной цели, оказывается в бескрайней калмыцкой степи, картины природы становятся всё более зловещими, знаменуя страх и смерть. Пространство будто сгущается вокруг героя и окрашивается в черные тона — над поездом нависает темное небо, сверкают молнии, льёт холодный дождь, «шибко рвет» ветер: «Навернулась огромная туча, залепила солнце, черным пологом упала над поездом» [Неверов, 1983, с. 250].

На нелегком пути Мишки встречаются добрые люди. Они вполне соотносимы с традиционными сказочными помощниками и появляются

в минуты абсолютного отчаяния, когда смерть подступает совсем близко. Таким волшебным помощником для главного героя становится, во-первых, сестра милосердия, обладательница «ласкового» голоса и «жалостливых» глаз, — именно она, проявляя сострадание к голодным обрванцам, ухаживает за умирающим Сережей и отдает Мишке кусок черного хлеба, вселяя в мальчика надежду: «Не тому Мишка рад, что в больницу Сережку положат. Нет, и этому рад. А еще больше вот чему рад: есть на свете хорошие люди, только сразу не нападешь. И сердцу веселее, и голоду меньше в кишках» [Неверов, 1983, с. 211]. Во-вторых, товарищ Дунаев из ортчека. Когда «стояла над Мишкой сухая, голодная смерть», Дунаев обнаруживает его, лежащего в голодном обмороке, обессиленного, кормит мальчика и велит подчиненному посадить Мишку на поезд. Наконец, машинист Кондратьев, который также не оставил юного мальчугана в беде и пропустил без билета на поезд. Главной функцией «помощников» является доставка героя в дальние края, «иное царство», которым в повести выступает Ташкент, город «сытый, хлебный, улыбающийся» [Неверов, 1983, с. 247], и спасение от голодной смерти главного героя. Все эти «помощники» в конечном итоге дают возможность бесприютному Мишке Додонову обрести себя, веру в завтрашний день.

Внести испытания, правда, дано не каждому, так, Мишкин друг Сережка умирает в больнице, один за другим уходят из жизни и случайные попутчики. Для главного героя наступает пора тотального одиночества. Среди всеобъемлющей бесчеловечности, беспорядка, воровства, унижений и изнурительного голода Мишке не даёт погибнуть мечта, к которой он стремился с недетской рассудительностью, с которой он шаг за шагом, от станции к станции, на крышах вагонов, продвигается. Мотив одиночества, беспризорности неразрывно связан в произведении с мотивом странничества, поскольку весь сюжет строится на основе непрерывного путешествия героя.

Однако, несмотря на тяжелейшие жизненные испытания, герой не теряет надежды, веры в людей, в нем крепок дух и велика сила воли, позволяющие ему благополучно возвратиться с желанным хлебом домой и жить дальше: «Ладно, тужить теперь нечего, буду заново заводиться...» [Неверов, 1983, с. 284].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав повесть А. Неверова «Ташкент — город хлебный», мы пришли к следующим выводам.

Повесть представляет собой весьма не типичное явление в общем контексте формирующейся в 1920-х годах прозы о беспризорниках. Равно как

и близкие по времени создания рассказы В. Шишкова, Л. Сейфуллиной, В. Горного, она изображает скитания бесприютного ребенка, вынужденного надеяться лишь на себя и собственные силы. Однако от аналогичных в тематическом отношении произведений она принципиально отличается, во-первых, обилием натуралистических картин (прозаик не романтизирует скитания маленьких бродяг, не выступает исключительно бытописателем, но без прикрас изображает болезни, голод, многочисленные смерти периода тотального поволжского голода). Во-вторых, сюжетное развертывание выстраивается по аналогии со сказочным нарративом (герой, движимый бедой, отправляется в далекий путь, и хронотоп пути-дороги, определяющий сюжетное развертывание и композиционную структуру повести, становится определяющим). В-третьих, в повествование вплетаются библейские аллюзии (символическую роль обретают ветхо- и новозаветные образы хлеба, Рая, собаки; само путешествие беспризорного героя «прочитывается» как символическое путешествие души к обретению вечной жизни, Рая).

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшем осмыслении отечественной традиции прозы о беспризорниках, её преломлении в современной словесности (так, небезынтересно было бы сопоставить повесть А. Неверова с «Эшелонам на Самарканд» Г. Яхиной, построенным по отчетливо выраженной «неверовской» схеме). И наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей прозы о беспризорниках на разных этапах её развития.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники

1. *Беспризорные* : Сборник рассказов / Предисл. : А. Калинина. — Москва : Гудок, 1926. — 64 с. — ([Библиотека газеты «Гудок» ; № 30]).
2. *Библия*. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Российское библейское общество, 2014. — 1400 с. — ISBN 978-5-85524-311-6.
3. *Неверов А. С.* Из архива писателя : Исследования. Воспоминания / А. С. Неверов ; [Ред.-сост. В. П. Скобелев и Н. И. Страхов]. — Куйбышев : Книжное издательство, 1972. — 336 с.
4. *Неверов А. С.* Ташкент — город хлебный, Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман / А. С. Неверов ; Вступ. ст. В. А. Чалмаева. — Москва : Правда, 1983. — 480 с.
5. *Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 31.05.1935 «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»* // СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

Литература

1. *Аляева Г. А.* Писатель Александр Неверов (1886—1923) / Г. А. Аляева // Московский журнал. — 2016. — № 10. — С. 33—38.
2. *Анзорова А. И.* Рост детской беспризорности и безнадзорности в СССР в 1920—1930 годы XX ВЕКА / А. И. Анзорова // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях : сборник статей Международной научно-практической конференции (3 мая 2017 г., г. Казань). В 3 ч. — Уфа : МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2017. — Ч. 1. — С. 3—5. — ISBN 978-5-906924-96-4.
3. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 234—407.
4. *Берловская Л.* Возвращение в литературу / Л. Берловская // Вопросы литературы. — 1965. — № 9. — С. 232—232.
5. *Бухина О.* Чего может добиться гадкий утенок : психологический портрет сироты в детской литературе / О. Бухина // Конструируя детское. Филология, история, антропология. — Москва ; Санкт-Петербург : Азимут, Нестор-История, 2011. — С. 374—397. — ISBN 978-5-98187-864-0.
6. *Бухина О.* Герои-сироты в детской литературе : отражение социального кризиса начала и конца советской эпохи / О. Бухина, А. Лану // Детские чтения. — 2015. — Т. 7. — № 1. — С. 24—47.
7. *Воспитание гражданина в педагогике* А. С. Макаренко / [ред.-сост. С. С. Невская]. — Москва : Акад. Проект : Альма Матер, 2006. — 970, [3] с. — ISBN 5-8291-0609-4.
8. *Гоголева А. В.* Проблемы профилактики и социально-педагогической реабилитации безнадзорности, беспризорности и бродяжничества : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.01 / А. В. Гоголева. — Ульяновск, 2004. — 486 с.
9. *Головина Л. Г.* Проблема беспризорности в русской литературе XX века : к вопросу о мифологемах «дом» и «семья» (на примере произведений А. Неверова, В. Шишкова, Л. Пантелеева и Г. Белых, А. Приставкина, В. Крапивина) / Л. Г. Головина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 3. — С. 28—34.
10. *Девятова Е. В.* Беспризорность в контексте российской культуры : монография / Е. В. Демидова. — Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. — 118 с. — ISBN 978-5-94839-244-8.
11. *Демидова Е. В.* Преступность беспризорных детей и социальных сирот и её предупреждение : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук : 12.00.08 / Е. В. Демидова. — Казань, 2008. — 24 с.
12. *Золотухина А. В.* Эволюция образа подростка в детской литературе 1930-х — 1970-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. В. Золотухина. — Москва, 2018. — 18 с.
13. *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики = Essai de poétique médiévale / П. Зюмтор ; Пер. с фр. И. К. Стаф. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2003. — 544 с. — ISBN 5-89329-566-8.
14. *Крутько Е. А.* Детская безнадзорность как феномен социального отчуждения : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Е. А. Крутько. — Новосибирск, 2011. — 20 с.

15. Мишина В. В. Детская безнадзорность как социальное явление / В. В. Мишина, Е. А. Никитская // Научное обозрение. Педагогические науки. — 2019. — № 3—1. — С. 91—93.
16. Нечаева А. М. Детская беспризорность — опасное социальное явление / А. М. Нечаева // Государство и право. — 2001. — № 6. — С. 58—61.
17. Осьмухина О. Ю. Специфика воплощения темы детства в «Правонарушителях» Л. Сейфуллиной / О. Ю. Осьмухина, Н. В. Чекашева // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2022. — № 1. — Т. 4 (39). — С. 49—60. — DOI: 10.51965/2076-7919_2022_1_4_49.
18. Печко Л. П. Неверов А. С / Л. П. Печко // Краткая литературная энциклопедия. — Москва : Советская энциклопедия, 1968. — Т. 5. — Стб. 159—160.
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2000. — 336 с. — ISBN 5-288-01710-7.
20. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 2001. — 192 с. — ISBN 5-87604-152-1.
21. Семина Н. В. Личность беспризорника 20—40-х гг. XX века (исторический аспект) / Н. В. Семина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2007. — Т. 13. — № 36. — С. 243—247.
22. Сиротство и беспризорность в России : история и современность / авт.-сост. В. Н. Занозина, Е. М. Колосова, А. Н. Чистиков. — Санкт-Петербург : Лики России, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-87417-276-3.
23. Скобелев В. П. Александр Неверов : Критико-биографический очерк / В. П. Скобелев. — Москва : Советский писатель, 1964. — 196 с.
24. Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России (1920—1940 гг.) / А. А. Славко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — № 6. — С. 160—164.
25. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов : социальный портрет, причины, формы борьбы : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.02 / А. А. Славко. — Самара, 2011. — 43 с.
26. Слуцкий Е. Г. Беспризорность в России : вновь грозная реальность / Е. Г. Слуцкий // Социологические исследования. — 1998. — № 3. — С. 117—122.
27. Смирнова Т. М. «Лучше вывести и расстрелять» : Советская власть и голодные дети (1917—1923 гг.) / Т. М. Смирнова // Ежегодник историко-антропологических исследований—2003. — Москва : ЭКОН-ИНФОРМ, 2003. — С. 226—245.
28. Страхов Н. Александр Неверов. Жизнь. Личность. Творчество / Н. Страхов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Художественная литература, 1972. — 444 с.
29. Терновский А. В. Неверов А. С / А. В. Терновский // Русские детские писатели XX века : Биобиблиографический словарь. — Москва : Флинта; Наука, 1997. — С. 305—307. — ISBN 5-02-011304-2.
30. Чалмаев В. Серафимович. Неверов / В. Чалмаев. — Москва : Молодая гвардия, 1982. — 399 с.

*Статья поступила в редакцию 03.05.2023,
одобрена после рецензирования 14.06.2023,
подготовлена к публикации 23.06.2023.*

Material resources

- Neverov, A. S. (1972). *From the writer's archive: Studies. Memoirs*. Kuibyshev: Book Publishing House. 336 p. (In Russ.).
- Neverov, A. S. (1983). *Tashkent — the city of bread, Geese-swans. Stories, novellas, novel*. Moscow: Pravda. 480 p. (In Russ.).
- Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR, the Central Committee of the CPSU (b) of 31.05.1935 "On the elimination of child homelessness and neglect". *SZ USSR*. 1935. № 32. St. 252. (In Russ.).
- The Bible. The books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments*. (2014). Moscow: Russian Bible Society. 1400 p. ISBN 978-5-85524-311-6. (In Russ.).
- The homeless: A collection of short stories*. (1926). Moscow: Gudok. 64 p. ([Library of the newspaper "Gudok"; № 30]). (In Russ.).

References

- Alyaeva, G. A. (2016). Writer Alexander Neverov (1886—1923). *Moscow Journal*, 10: 33—38. (In Russ.).
- Anzorova, A. I. (2017). The growth of child homelessness and neglect in the USSR in the 1920s — 1930s of the XX CENTURY. In: *Dynamics of relations between various fields of science in modern conditions: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (May 3, 2017, Kazan). At 3 o'clock, 1*. Ufa: MOSCOW OMEGA SCIENCES. 3—5. ISBN 978-5-906924-96-4. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. In: *Essays on historical poetics. Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Fiction. 234—407. (In Russ.).
- Berlovskaya, L. (1965). Return to literature. *Questions of literature*, 9: 232—232. (In Russ.).
- Bukhina, O. (2011). What the ugly duckling can achieve: a psychological portrait of an orphan in children's literature. In: *Constructing a child. Philology, history, anthropology*. Moscow; St. Petersburg: Azimut, Nestor-History. 374—397. ISBN 978-5-98187-864-0. (In Russ.).
- Bukhina, O., Lanu, A. (2015). Orphan heroes in children's literature: reflection of the social crisis of the beginning and end of the Soviet era. *Children's reading*, 7 (1): 24—47. (In Russ.).
- Chalmaev, V. (1982). *Serafimovich. Neverov*. Moscow: Molodaya gvardiya. 399 p. (In Russ.).
- Demidova, E. V. (2008). *Crime of street children and social orphans and its prevention*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan. 24 p. (In Russ.).
- Devyatova, E. V. (2010). *Homelessness in the context of Russian culture: monograph*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Academy. Culture and Arts. 118 p. ISBN 978-5-94839-244-8. (In Russ.).
- Education of a citizen in pedagogy A. S. Makarenko*. (2006). Moscow: Akad. Project: Alma Mater. 970, [3] p. ISBN 5-8291-0609-4. (In Russ.).
- Gogoleva, A. V. (2004). *Problems of prevention and socio-pedagogical rehabilitation of neglect, homelessness and vagrancy*. Doct. Diss. Ulyanovsk. 486 p. (In Russ.).
- Golovina, L. G. (2010). The problem of homelessness in the Russian literature of the twentieth century: on the question of the mythologems "home" and "family" (on the example of the works of A. Neverov, V. Shishkov, L. Pantelev and G. Belykh, A. Pristavkin, V. Krapivin). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*, 3: 28—34. (In Russ.).

- Krutko, E. A. (2011). *Child neglect as a phenomenon of social alienation*. Author's abstract of PhD Diss. Novosibirsk. 20 p. (In Russ.).
- Mishina, V. V., Nikitskaya, E. A. (2019). Child neglect as a social phenomenon. *Scientific review. Pedagogical sciences*, 3—1: 91—93. (In Russ.).
- Nechaeva, A. M. (2001). Child homelessness is a dangerous social phenomenon. *State and Law*, 6: 58—61. (In Russ.).
- Orphanhood and homelessness in Russia: history and modernity*. (2008). St. Petersburg: Faces of Russia. 304 p. ISBN 978-5-87417-276-3. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Yu., Chekasheva, N. V. (2022). Specifics of the embodiment of the theme of childhood in L. Seifullina's "Delinquents". *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 / 4 (39): 49—60. DOI: 10.51965/2076-7919_2022_1_4_49. (In Russ.).
- Pechko, L. P. (1968). Neverov A. S. In: *Brief literary encyclopedia*, 5. Moscow: Soviet Encyclopedia. Stb. 159—160. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2000). *Historical roots of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 336 p. ISBN 5-288-01710-7. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labyrinth. 192 p. ISBN 5-87604-152-1. (In Russ.).
- Semina, N. V. (2007). The personality of a street child of the 20—40s of the XX century (historical aspect). *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 13 (36): 243—247. (In Russ.).
- Skobelev, V. P. (1964). *Alexander Neverov: A critical and biographical essay*. Moscow: Soviet Writer. 196 p. (In Russ.).
- Slavko, A. A. (2009). Dynamics of the number of street children in Russia (1920—1940). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 11 (6): 160—164. (In Russ.).
- Slavko, A. A. (2011). *Child homelessness and neglect in Russia of the late 1920s — early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle*. Author's abstract of PhD Diss. Samara. 43 p. (In Russ.).
- Slutsky, E. G. (1998). Homelessness in Russia: once again a formidable reality. *Sociological research*, 3: 117—122. (In Russ.).
- Smirnova, T. M. "It's better to take out and shoot": Soviet power and hungry children (1917—1923). In: *Yearbook of Historical and anthropological research-2003*. Moscow: EKON—INFORM. 226—245. (In Russ.).
- Strakhov, N. (1972). *Alexander Neverov. Life. Personality. Creativity. 2nd ed., reprint. and add.* Moscow: Fiction. 444 p. (In Russ.).
- Ternovsky, A. V. (1997). *Neverov A. S. Russian children's writers of the XX century: A Biobibliographical dictionary*. Moscow: Flint; Nauka. 305—307. ISBN 5-02-011304-2. (In Russ.).
- Zolotukhina, A. V. (2018). *The evolution of the image of a teenager in children's literature of the 1930s — 1970s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).
- Zyumtor, P. (2003). *The experience of building medieval poetics = Essai de poetique medievale*. St. Petersburg: Aleteya. 544 p. ISBN 5-89329-566-8. (In Russ.).

*The article was submitted 03.05.2023;
approved after reviewing 14.06.2023;
accepted for publication 23.06.2023.*